

ПО НАРОДНЫМ МОТИВАМ

ПЬЕСА-СКАЗКА В. БЕЛОВА НА ЧЕРЕПОВЕЦКОЙ СЦЕНЕ

Славянской мифологии не повезло — она мало научно разрабатывалась и изучалась в сравнении с мифами древней Индии или Греции и не отражена в эпосе, подобном «Илиаде» или «Махабхарате». Зато мифологические элементы славян необычайно широко вошли в народное творчество, прилеплены туда живость ума, поэтичность воображения и богатство мировоззрения наших предков, отразили их историческое и духовное прошлое.

Во все времена была популярна в народе сказка с ее великой особенностью — быть близкой взрослым и одновременно доступной детям, в образной форме отражая все сложнейшие вопросы бытия, многообразие человеческих отношений. Не раз обращалась к волшебному миру древних преданий и русская классическая литература — вспомним пушкинское «Лукоморье» и гоголевские жизнеутраченные вечера близ Диканьки... А как забыть щемлящую красоту мира «Снегурочки» — первой и, к сожалению, более века единственной сказки, предназначенной драматическому театру.

Поэтому отрадно, что Василий Иванович Белов, один из самых чутких к народной жизни писателей нашего времени, продолжая классические традиции, обратился и к сказочному жанру. В июле прошлого года журнал «Театр» опубликовал его пьесу «Бессмертный Кощей», где действуют знакомые нам с детства персонажи: Кощей, Баба-Яга, Леший, Русалка, Солдат, Водяной. Но традиционные герои несут здесь отнюдь не традиционную нагрузку. В привычном варианте, например, смерть Кощея хоть и сыграла за тридевять земель, но любой отважный духом может завладеть ею. Здесь же бессмертие Кощея зависит лишь от пего самого. Одно условие пужно соблюдать ему, чтобы жить вечно, — не делать добрых дел. Страшное наказание даст ему Смерть:

Что ж, будешь жить,
пока ты полон злобы,
Пока душа пропитана
неправдой
И ненависть ворочает
мозгами,
Подогревая ложь
и клевету.
Но ты умрешь при первом
послаблении,
Пойдешь вослед за первым
добрым делом....

Эта особенность отличает Кощея не только от его древнего прототипа, но и от общемировых «низшей тьмы», созданных гением Гете и Бу-

ракова. Там Мефистофель и Волацц хотя и посланцы зла, но способны творить добро, проявлять милосердие. В нашем же случае ничто подобное немислимо. Бессмертие активного зла — в этом понятие кроется глубокий смысл сказки. Да, Кощей стал бессмертным, но ведь он не всемогущ! Он же не может самодовольно осуществить все свои черные замыслы, ему пужны помощники. Нет их — нет и кощейской мощи.

Поиск формы будущего спектакля, поставленного народным театром Череповецкого Дворца культуры металлургов, вероятно, нелегко дался режиссеру-постановщику — Р. М. Смирнову. Через привычные фольклорные образы предстояло выразить глубокую философию необходимости противостояния современному

по. Алкоголь сам являет свою страшную сущность. Рожденная им иллюзия свободы и добра сменяется убеждением, что дальше будет вокруг еще лучше, станешь еще умнее. Солдат льет в третий раз, четвертый... Искушение велико, но, поддавшись ему, терлешь свою независимость. Теперь Солдат уже под властью Кощея и будет преданно служить ему — не по присяге, но из чувства должника, в благодарности за вино и кикимор. Это заручило поддержку силы.

Единственное, что страшит Кощея — возможность ранней своей кончины, и когда Смерть освобождает его от этого страха, Кощей становится особенно воинствующим и агрессивным.

Следующим переходит под кощейскую власть Водяной (арт. М. Люшин) — он проигрывает

ТЕАТР

злу, и в то же время избежать опасности сужения замысла пьесы, не свести главный персонаж к какому-нибудь конкретному злодею.

Чтобы подчеркнуть сложность содержания сказки, Р. М. Смирнов решил усложнить и ее восприятие, ввести в спектакль условности театра другой исторической школы — пантомиму, элементы хореографии и маски. Можно, конечно, поспорить с таким прочтением пьесы, но этот спор будет только доказывать, что сказка «Бессмертный Кощей», безусловно, сценична, зрелищна, интересна. У череповецкой постановки получился в условной, ослепленной манере, значит, обязательно он должен получиться и в манере традиционной, классической.

Условен мир сказки, условно ее отражение на сцене, но отношения между ее персонажами реальны. И главная их реальность — свобода выбора своих поступков. Каждый волен, если не сопротивляться злу, открыто, то хотя бы не участвовать в нем, не помогать ему. Но беда в том, что сущность зла разглядеть не сразу. Кощей многолик, и прежде чем проявить себя злым и пахальным, он является перед нами вкрадчивым, угодливым, жалким. Из человеческого к нему сострадания убирает Русалка (арт. Е. Баталина) первую преграду с пути Кощея (арт. В. Найденов). Она упрямивает Солдата (арт. В. Улянов) пропустить Кощея через лаву. Сам Солдат — нестойкий боец. Недолго сопротивляется он искусству кощейской фляжки — выпивает первый раз, добавляет на вторую погугу, а дальше — дальше как обыч-

но. Алкоголь сам являет свою страшную сущность. Рожденная им иллюзия свободы и добра сменяется убеждением, что дальше будет вокруг еще лучше, станешь еще умнее. Солдат льет в третий раз, четвертый... Искушение велико, но, поддавшись ему, терлешь свою независимость. Теперь Солдат уже под властью Кощея и будет преданно служить ему — не по присяге, но из чувства должника, в благодарности за вино и кикимор. Это заручило поддержку силы.

Не каждый может быть, самим собою,
Ходить вослед приятнее для многих,
И если просто мыслить по указке —
Насколько проще по указке жить.

В четырех этих строках целая жизненная философия, взаимоудобная как тому, кто ее предложил, так и тому, кто ее принял. Главное — никакой ответственности друг перед другом. Как сказано — так и сделано, что молвлено — то и получено.

Один лишь сказочный депь, проходит между первым и вторым действием, но какие крупные перемены происходят вокруг. Все их жуткая сущность выражена в авторской ремарке: «Изаба обита пластмассой. Лес вырублен». В радостном наумлении просыпается Русалка — ей поначалу даже правится новизна. Ведь и томилась ее прежде скука родных мест, хотелось перемен каких-нибудь. Что ж, свершилось. Уничтожены дубравы, впитать потекли реки, где не могут больше жить даже болотные кикиморы.

Характерно, что на череповецкой сцене декорации и костюмы во втором акте почти не меняются — все изменения подчеркиваются только игрой актеров. Вообще, второе действие спектакля удивительно цельно по динамизму, четкости и выразительности. Все персонажи сказки поникли, слились наряды, вялыми стали движения — лишь Кощей яв-

ляется во всем блеске великолепия. Здесь неважен цвет и фасон его костюма, неважно — в старомодных он лаковых туфлях или в модных полусапожках — важно, как самовлюбленно он торжествует. Правда, его еще тревожит независимость Лешего (арт. А. Новиков), что не высказывается Леший в общий распорядок «кому в какое место когда вступить, чего жевать сегодня»... Леший не поддавался соблазну вина, карт, кикимор — и Кощей испытывает последнее средство — пытается соблазнить его должностью и мундиром. Но получает презрительный отказ и тогда провоцирует Солдата на смертное побоище... Вновь появляется на сцене ликующая Смерть. Пришел долгожданный его миг — сделал великий почти всемирной вражде, вот-вот польются столь любезные ей реки крови.

В неравном бою с Солдатом гибнет Леший — теперь Кощею некого бояться, наступает пора его неограниченной власти над оставшимися. Лишь Баба-Яга неподвластна Кощею — и никак не понять ему, почему же она тоже бессмертна, эта дряхлая старуха, которая вопсе и по дорожит своей жизнью...

После апокалиптических грез Смерти и Кощея о будущем один лишь светлый проблеск остается в сказке, одна вера — в мудрость Бабы-Яги, в ее огромный жизненный опыт. Она знает, что Лешего можно оживить, если только в цардией вокруг мерзости заступления удастся найти хотя бы один родинчик с живой водой.

Уходом Бабы-Яги (ее сыграл ветеран народного театра, талантливый актер Борис Ленков) на поиски родинчика и заканчивается сказка. Но остается жить в наших душах надежда, что найдет она этот родинчик, обязательно найдет. Даже если ослепнет — найдет, на ощупь, потому что тут ее родинка, тут ей знаком каждый лепек... Да и не могут исчезнуть все источники за один сказочный день, сколько бы он ни длился. А не найдет Баба-Яга — найдет Русалка, ибо жизнь вечна и сила недр земных неподвластна прихоти Кощея. Верится, что воскреснет Леший — по народному преданию добрый и честный, не причиняющий никому беспричинного зла, истинный хозяин леса.

Надеждой кончается сказка — надеждой в справедливость, добро и правду, по труден будет их путь, длительна борьба с последствиями чужой и бездушной отравы.

Постановкой «Бессмертного Кощея» Череповецкий народный театр еще раз подтвердил свою приверженность современному репертуару, и это постоянство заслуживает доброй оценки. Именно этот интересный и самобытный коллектив в свое время первым поставил пьесу В. И. Белова «Над светлой водой», первым дал жизнь и спектаклю по сказке В. М. Шукшина «До третьих петухов».

Вл. ШИРИКОВ.

18 ФЕВ 1982

Красный Совет
г. Вологда